

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія седьмой.

ФЕВРАЛЬ.

№ 8.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

УЖЪ СКОРО МАРТЫ.. (стих.).

АРАПКА.

ВЕСНА ИДЕТЬ.. (стих.).

ОДНА (повѣсть).

ВЪ ФЕВРАЛЬСКУЮ ВЬЮГУ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

№ 8. Февраль, 1914.

Годъ изданія VII-й.

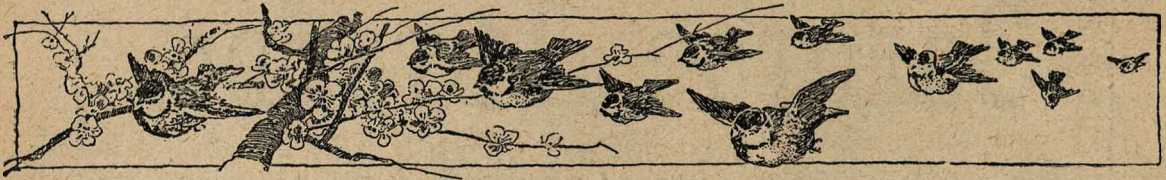
Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Игра въ снѣжки.

УЖЪ СКОРО МАРТЪ...

Ужъ скоро Мартъ... Весна идетъ,
Ужъ на вербѣ — представьте! — почки,
Ползеть по рѣчкѣ рыхлый ледъ,
Дробясь на мелкіе кусочки.

Теперь ужъ скоро! Быть веснѣ!
Бѣжить водичка по канавкѣ
И ужъ на солнечной стѣнѣ
Ползуть какія-то козявки.

Ужъ стали птицы хлопотать,
Трещать скворцы, воркуютъ гульки,—
Но стѣитъ сумеркамъ настать,
Какъ съ крышъ висятъ уже сосульки.

Кузнечикъ.

А Р А П К А.

Арапка была маленькая собачка, почти дворняжка, постоянно ласкавшаяся къ своему хозяину и вертѣвшаяся у его ногъ. Какъ-то случайно, выйдя въ зимнюю стужу на дорогу, онъ наткнулся на нее въ темнотѣ, пріютилъ ее у себя — и съ тѣхъ поръ она жила у него въ комнатахъ, какъ дорогая комнатная собака.

— Ну, и охота-же вамъ, Алексѣй Иванычъ, держать у себя такую дрянъ! часто говорила ему Марковна, завѣдывавшая у него хозяйствомъ. — Добро-бы породистая была собаченка, а то такъ, какая-то дворняжка!..

Но Алексѣй Ивановичъ не слу-

шалъ ее и очень привязался къ Арапкѣ. Онъ былъ совершенно одинокъ, имѣлъ состояніе, но ранняя смерть похитила у него ребенка и жену, и ему было пріятно, что у него въ домѣ было хоть одно живое существо, которое было беззавѣтно ему предано. Длинные, томительные осенніе и зимніе вечера онъ проводилъ у себя въ усадьбѣ совершенно одинъ, цѣлые дни молчалъ и Арапка всегда была при немъ и раздѣляла съ нимъ его одиночество. И онъ думалъ: — „Вотъ если-бы у меня были дѣти, мальчикъ и дѣвочка, то они бѣгали-бы сейчасъ по комнатамъ, играли-бы съ Арапкой и ихъ го-

лоса раздавались-бы по всему дому“.

Онъ любилъ дѣтей и всякій разъ какъ прѣзжалъ въ Москву, нарочно проходилъ по какому-нибудь бульвару, останавливался и долго смотрѣлъ, какъ они тамъ играли.

Однажды съ нимъ случилась непріятность: возвратившись къ себѣ въ усадьбу изъ Москвы, онъ вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ, слегъ и долго пролежалъ въ постели. А когда наступила осень, то лечившій его докторъ посоветовалъ ему уѣхать для поправленія здоровья въ Крымъ.

— Куда-же мнѣ дѣтъ Арапку? подумалъ онъ.—Взять ее съ собой—далеко, а оставить здѣсь—тоже невозможно, такъ какъ Марковна тоже уѣдетъ въ Москву и будетъ тамъ жить до моего возвращенія у своей сестры.

Думалъ онъ, гадалъ и наконецъ рѣшилъ сдѣлать такъ: Марковна отправится въ Москву, возьметъ съ собой Арапку и будетъ ее хранить у себя. А когда онъ вернется изъ Крыма, то и она, и Арапка опять возвратятся къ нему въ усадьбу и будутъ жить по прежнему у него. Другимъ своимъ служащимъ онъ не рѣшился довѣрить Арапку: она была очень некрасива и не нравилась въ усадьбѣ никому.

Передъ отѣздомъ Алексѣй Ивановичъ купилъ въ Москвѣ ошейникъ и приказалъ мастеру сдѣлать

на немъ надпись слѣдующаго содержания:

„Арапка. Николо - Климовскій переулокъ, домъ № 98, квартира № 14“.

„Если и пропадетъ собака“, думалъ онъ,—„то по этому адресу доставятъ ее къ Марковнѣ“.

Онъ простился съ Марковной, погладилъ Арапку и уѣхалъ до осени въ Крымъ. А между тѣмъ въ его отсутствіе случилась еще большая непріятность: старушка Марковна обрадовалась, что въ Москвѣ были отличныя бани и попарилась въ одной изъ нихъ такъ, что послѣ ее продуло вѣтромъ, она слегла и умерла въ какія-нибудь двѣ недѣли. Такъ Арапка и осталась одна во всей Москвѣ. Ее выгнали изъ дому, какъ безхозяйную, она долго бродила по улицамъ, голодная и холодная, не находя нигдѣ пристанища и испытывая даже побои. Цѣлыя ночи она проводила гдѣ-нибудь подъ заборомъ, жалобно скулила и пожималась отъ холода, а когда наступало утро, то она снова начинала переходить изъ улицы въ улицу и отыскивать для себя возможнаго пріюта. И вдругъ она увидала, что въ одномъ богатомъ домѣ была не заперта парадная дверь. Она видѣла, какъ въ нее вошелъ почтальонъ и, оставивъ за собой дверь незатворенной, сталъ дожидаться въ передней, когда ему вынесутъ росписку въ

полученіи заказного письма. Она воспользовалась этимъ и прошмыгнула въ переднюю. Никѣмъ не замѣченная, она вошла въ комнаты, пробралась въ спальную хозяйки дома, которая находилась въ отсутствіи, и оглядѣлась по сторонамъ. Горѣлъ привѣтливо каминъ. Усталая, голодная, иззябшая, она растянулась на медвѣжьей шкурѣ, разостланной передъ огнемъ, и сладко заснула.

Тѣмъ временемъ вернулась домой хозяйка. Она раздѣлась, надѣла на себя капоть и сняла башмаки. У нея очень озябли ноги. Она подошла къ камину и только что хотѣла поставить ногу на чугунную перекладину передъ огнемъ, чтобы погрѣть ее, какъ послышался неожиданный визгъ. Она почувствовала, что наступила на что-то мягкое, вскрикнула отъ страха и отскочила прочь.

На шкурѣ, передъ огнемъ лежала какая-то почти дворовая собаченка, желтенькая, небольшого роста, и грѣлась.

— Это еще что за собака? воскликнула хозяйка.—Откуда она взялась? Кто смѣлъ впустить ее ко мнѣ въ спальню?

Вбѣжала гувернантка. Увидѣвъ Арапку, она всплеснула руками.

— О, Марія Александровна! только и могла она воскликнуть.

Собака догадалась, что ея присутствіе обезпокоило даму, потому что, завилявъ хвостомъ и виновато

ослабивъ зубы, она поползла къ ней по шкурѣ на животѣ.

— Прочь! прочь! закричала на нее Марія Александровна.—Мадмуазель Жюли, прогоните ее въ кухню! Она—грязная!

Но Арапка уже доползла до ея ногъ и легла на спину вверхъ животомъ. Нагнувшись надъ ней, Марія Александровна хотѣла было ее отъ себя отстранить.

— Ахъ, постойте, мадмуазель..., сказала она.—Кажется, у нея на ошейникѣ есть надпись, чья она. Мы сейчасъ узнаемъ, кто ея хозяинъ.

И, всмотрѣвшись въ надпись, она прочитала:—

„Арапка. Николо - Климовскій переулокъ, домъ № 98, кв. № 14“.

— Какая досада! продолжала она.—Такъ далеко! Теперь придется везти ее чуть не черезъ всю Москву... Но я все-таки желала-бы знать, какъ она попала ко мнѣ въ спальню?

Она позвала своихъ дѣтей, Колю и Надю, которыя при видѣ собаки закричали отъ радости и стали ее ласкать. Они даже и не подозрѣвали ея присутствія въ ихъ домѣ. Тогда Марія Александровна позволила прислугѣ. И горничная, и кухарка тоже никакъ не могли понять, какимъ образомъ собака могла проникнуть въ домъ, и стали ее безжалостно тащить ее за шиворотъ вонъ. Марія Александровна имъ это запретила.

Они налили ей въ блюдце молока...

— Вы лучше возьмите эту собаку въ кухню, приказала она, — и накормите ее. Пусть она останется у насъ до утра. А утромъ передайте ее швейцару. Пусть онъ отнесетъ ее по указанному на ошейникѣ адресу. Ему дадутъ за это на чай!

Утромъ горничная взяла Арапку подмышку и повесла ее къ швейцару.

— Отнесите ее куда слѣдуетъ... сказала она.— Барыня приказала... Дадутъ, сказала, на чай...

Въ надеждѣ получить вознаграждение, швейцаръ отправился съ Арапкой по указанному на ея ошейникѣ адресу.

— Опять эту дрянъ приносятъ ко мнѣ! воскликнулъ дворникъ дома № 98.— Ужъ въ который разъ. Вѣдь я уже двадцать разъ говорилъ, что ея хозяйка умерла и что она теперь ничья! Каждый день я гоню ее, проклятую, а она или приходитъ назадъ сама, или же ее приносятъ ко мнѣ другіе! Не желаю я ее принимать! Неси ее обратно, откуда взялъ!

— Что-же мнѣ съ ней дѣлать? спросилъ швейцаръ.

— Брось ее гдѣ-нибудь! Или подкинь къ какой-нибудь старухѣ! Авось обрадуется и возьметъ ее себѣ!

Дворникъ повернулся и ушелъ Швейцаръ опустил Арапку на землю и побрелъ къ себѣ домой.

Всю дорогу Арапка слѣдовала за нимъ, но онъ этого не замѣчалъ. Когда онъ вошелъ въ домъ и опять сталъ у своей двери, она вбѣжала во дворъ и гдѣ-то спряталась за дровами.

На слѣдующее утро повторилась опять та-же самая исторія. Едва только Коля и Надя проснулись

въ своихъ кроваткахъ и открыли глаза, какъ передъ ними уже сидѣла на коврѣ Арапка и смотрѣла на нихъ умоляющими глазами. Съ радостнымъ визгомъ дѣти соскочили съ кровати и, какъ были не одѣтыя, въ одномъ бѣльѣ, бросились въ столовую и принесли оттуда хлѣба и молока.

— Арапка! Арапка! стали они ее ласкать.

Они налили ей въ блюдце молока, накрошили туда хлѣба и съ безграничнымъ удовольствіемъ стали смотрѣть, какъ она начала ѣсть. Имъ было жаль ея и хотѣлось, чтобы она осталась у нихъ совсѣмъ, но она была грязная и не-породистая и они боялись попросить объ этомъ у мамы.

И на этотъ разъ положительно никто не могъ понять, какимъ образомъ Арапка могла пробраться въ дѣтскую. Спросили швейцара, кухарку, горничную, но всѣ они совершенно ничего не знали.

— Я такъ полагаю, барыня, сказала кухарка,— что она вбѣжала сюда черезъ кухню. У меня давеча сбѣжало молоко, и я настежь растворила дверь на черную лѣстницу, чтобы чадъ пронесло. Вотъ она и проскользнула сюда.

На этотъ разъ, несмотря на убѣдительныя просьбы и даже слезы Коли и Нади, Арапку безжалостно выгнали прямо на улицу.

Она поджала хвостъ и послушно вышла изъ квартиры.

Каждый день дѣти съ гувернанткой ходили гулять на ближайшій бульваръ. Какъ и чѣмъ жила на улицѣ Арапка, не было извѣстно никому, но только всякій разъ какъ Коля и Надя выходили изъ дому, она тотчасъ-же подбѣгала къ нимъ, ласково визжала, смѣялась по-собачьи, оскаливая бѣлыя зубы, и виляла имъ хвостомъ.

— Арапка! бросались они къ ней и начинали ее ласкать.—Милая, бѣдная Арапка! Несчастливая ты собака!

Недѣлю спустя, почти всѣ въ домѣ, кромѣ дѣтей, уже совсѣмъ о ней забыли. Марія Александровна подбѣжала вечеромъ къ крыльцу своего дома на извозчикѣ. Подойдя къ двери, она увидела на ступенькѣ Арапку. Свернувшись калачикомъ, собака вздрагивала отъ холода. Видно было, что она была голодна и уже давно не могла согрѣться. Почувявъ челоуѣка, Арапка встала на лапки, начала вертѣться около Маріи Александровны, заскулила и посмотрѣла на нее такими жалобными глазами, что ей стало жаль ее, и она впустила ее за собою въ дверь.

— Пусть эта собака войдетъ за мной, сказала она швейцару.—Ее надо покормить...

Въ тотъ-же вечеръ Марія Але-

ксандровна поговорила со своимъ мужемъ, онъ согласился, и Арапка была оставлена у Коли и Нади навсегда. Дѣти были наверху блаженства, устроили ей въ своей дѣтской уголокъ, постлали матраикъ и провозились съ ней до глубокой ночи. Она была довольна, ласкалась къ нимъ и съ благодарностью лизала имъ руки. Коля и Надя долго не хотѣли ложиться спать и улеглись только тогда, когда мадмуазель-Жюли пригрозила имъ, что выброситъ собаку изъ дома вонъ и уже назадъ ее не возьметъ.

Не прошло и недѣли, какъ всѣ въ домѣ—и родители, и дѣти, и прислуга привязались къ Арапкѣ и теперь уже ни въ какомъ случаѣ не пожелали-бы съ ней разстаться. Она оказалась умной, воспитанной собачкой, веселой и понимавшей съ перваго-же взгляда все, что ей говорили или что происходило вокругъ нея. Если-же и случалось ей что-нибудь иногда напроказить, то достаточно было Маріи Александровнѣ укоризненно поглядѣть на нее и сказать:—„Ай-ай-ай, Арапка, что ты надѣлала?“ какъ съ полнымъ сознаниемъ вины Арапка тотчасъ-же ложилась на спину и подставляла свою грудь, точно хотѣла этимъ сказать:—Да, я виновата! Я сознаю это! Проколи меня насквозь, если пожелаешь. Я съ радостью приму отъ тебя смерть!

Влѣзли, но какъ вылѣзти, — не знаютъ.

IV. CARSTENS
München.

Трудно!..

Прошли осень и зима, наступила весна и стали дружно таять снѣгъ. Потекли по канавкам ручьи, дворники стали скалывать на улицахъ ледъ, а затѣмъ загремѣли вдругъ колеса по мостовой и въ растворенныя настежь окна ворвался весенній, бодрящій воздухъ и какъ-то невольно и большихъ, и дѣтей потянуло вдругъ за городъ, въ деревню, гдѣ въ это время зеленѣла уже трава и гдѣ пахарь уже выѣхалъ въ поле и провель плугомъ первую борозду.

Заговорили о дачѣ.

Казалось, и Арапка понимала наступленіе весны. Съ звонкимъ лаемъ она носилась по бульвару, когда выходила съ дѣтьми гулять, ѣла почему-то траву, вѣроятно лечась этимъ отъ какой-нибудь болѣзни, или подолгу съ удовольствіемъ лежала на солнечномъ лучѣ и сладко потягивалась отъ его теплоты. Выходила она гулять и одна. Однажды ее выпустили гулять черезъ черную лѣстницу, она выбѣжала на улицу и ужъ больше не возвращалась.

Она исчезла совсѣмъ.

Дѣти поплакали, старшіе пожалѣли, но она не возвращалась и пришлось примириться съ ея потерей. Теперь ужъ, когда вся семья садилась за обѣдъ, она уже не стояла въ своемъ уголкѣ на заднихъ лапкахъ и не тявкала, чтобы на нее обратили вниманіе. Ея отсутствіе было замѣтно и всѣ

по ней скучали. Напечатали объ ея пропажѣ объявленіе въ газетахъ, обѣщали вознагражденіе тому, кто ее принесетъ, но изъ этого ничего не вышло. Такъ и рѣпили, что съ Арапкой случилось какое-нибудь несчастье или что ее кто-нибудь укралъ и вывезъ изъ Москвы.

— Значить, наша Арапка пропала безвозвратно! сказала Марія Александровна.

— А, можетъ быть, ее раздавилъ трамвай... сказали дѣти.

-- Можетъ быть... вздохнула мать и вышла изъ комнаты.

Какъ вдругъ послышалось чье-то царапанье въ дверь. Дѣти вздрогнули. Этотъ звукъ былъ имъ знакомъ давно. Они радостно повскакивали со своихъ мѣстъ и стали прислушиваться.

Царапанье послышалось опять.

— Это она! Это она! закричали они и со всѣхъ ногъ бросились къ двери, чтобы отворить собакѣ.

И дѣйствительно, въ дверь вошла Арапка. Видъ у нея былъ гордый, глаза сверкали и она какъ-то особенно самодовольно завилыла хвостомъ. Но увидѣвъ своихъ друзей, она не выдержала характера и съ радостнымъ визгомъ бросилась къ нимъ и стала прыгать и лизать имъ руки и лица.

— Арапка! Арапка! кричали Коля и Надя и не знали, какъ ее приласкать.—Наконецъ-то ты нашлась! А мы такъ безъ тебя скучали!..

Вслѣдъ за Арапкой въ комнату вошелъ какой-то высокій незнакомый господинъ и ласково улыбнулся дѣтямъ. При видѣ незнакомца, они смутились. Вошла мама и вопросительно и съ безпокойствомъ посмотрѣла на гостя. Онъ вѣжливо раскланялся съ ней и извинился за такой безцеремонный приходъ.

— Я—Алексѣй Ивановичъ Петровъ, сказалъ онъ.—Позвольте представиться. —Я только двѣ недѣли тому назадъ вернулся изъ Крыма, гдѣ лечился, и вотъ ѣду къ себѣ въ усадьбу. Остановился ненадолго въ Москвѣ. Завтра думаю уже уѣхать. Дней десять тому назадъ я шелъ по бульвару, недалеко отъ вашей квартиры и вдругъ споткнулся обо что-то мягкое и чуть не упалъ. Оказалось, что это подвернулась мнѣ подъ ноги эта самая Арапка, которая принадлежала мнѣ уже давно. Она узнала меня. Она стала вертѣться у моихъ ногъ, завизжала, заскулила, забросалась ко мнѣ на грудь, а когда я сѣлъ на лавочку, то она вспрыгнула ко мнѣ на колѣни, стала меня лизать и всѣми мѣрами старалась показать мнѣ, какъ она обрадовалась, узнавъ во мнѣ своего хозяина. Признаюсь, я и самъ тоже обрадовался ей. Прямо съ бульвара я отправился къ себѣ въ гостинницу и она послѣдовала за мной. Всѣ эти десять дней она прожила у меня.

Алексѣй Ивановичъ попросилъ позволенія сѣсть. Точно понявъ, что говорятъ именно о ней, Арапка важно усѣлась рядомъ съ нимъ, молчала и не двигалась. Колѣ и Надѣ было жаль, что теперь она принадлежала уже не имъ, и они тяжело и продолжительно вздохнули.

— Каждый разъ, какъ я выходилъ изъ гостинницы, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ,—Арапка обязательно увязывалась за мной. Никакими силами нельзя было оставить ее дома. Едва только я выходилъ на улицу, какъ она хватала меня за полу пальто и старалась меня куда-то потащить. Сначала я не понималъ ее и отгонялъ, а затѣмъ убѣдился, что она серьезно хочетъ меня куда-то провести. Сегодня я далъ ей полную свободу,—и вотъ я у васъ. Потому, какъ встрѣтили ее здѣсь готь эти милыя дѣтки, я сразу же догадался, что она здѣсь не чужая, что здѣсь ее любили и ласкали, а можетъ быть даже и спасли отъ голодной смерти,—и вотъ пришелъ я сюда, чтобы васъ поблагодарить...

Въ это время раздались громкія рыданія дѣтей. Коля и Надя плакали въ три ручья.

— Не отдадимъ Арапку, закричали они,—она наша и мы не желаемъ безъ нея жить! Мы безъ нея умремъ!

— Что-же дѣлать? вдохнула и

Марія Александровна. — Будемъ довольны и тѣмъ, что Арапка прожила у насъ столько времени... Она нашла своего хозяина...

Но дѣти не унимались.

— Она наша! Она наша! кричали они.—Мы не отдадимъ ее ни за что!

Алексѣй Ивановичъ улыбнулся, подошелъ къ дѣтямъ, сѣлъ, посадилъ ихъ къ себѣ на колѣни и каждому изъ нихъ поочередно вытеръ носовымъ платкомъ слезы.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ.— Пусть она до завтра останется у васъ. А завтра мы увидимъ...

Дѣти повеселѣли. Онъ сталъ съ ними шутить, разговорился съ Маріей Александровной, ей понравились его искренность и простота, а затѣмъ пришелъ со службы папа,—и какъ-то такъ случилось, что Алексѣй Ивановичъ просидѣлъ у нихъ до самаго вечера и это не показалось страннымъ ни ему, ни дѣтямъ, ни ихъ родителямъ. Между нимъ и ими какъ-то сразу установилась та правда отношеній, которая всегда существуетъ между хорошими людьми и такъ отличаетъ ихъ отъ другихъ. Ему было пріятно, что онъ такъ случайно попалъ въ семью, по которой уже давно тосковала его душа, а они были рады видѣть въ немъ человѣка, такого мягкаго, отзывчиваго и простаго.

— Вы ужъ позвольте мнѣ у васъ бывать, сказалъ онъ, когда

наступилъ вечеръ и ему пора уже было уходить...—Я такъ давно не былъ въ семьѣ!

На слѣдующій день Алексѣй Ивановичъ опять пришелъ къ своимъ новымъ знакомымъ, чтобы сказать Колѣ и Надѣ, что Арапка останется у нихъ навсегда, опять долго просидѣлъ у нихъ, играя съ дѣтьми и разговаривая съ ихъ папой и мамой, и ему показалось, что время пролетѣло, какъ стрѣла, и что съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой онъ все болѣе и болѣе привязывался къ Колѣ и Надѣ, и у него не хватало силъ подняться и уйти.

Проходили дни за днями, а онъ все еще жилъ въ Москвѣ и не уѣзжалъ къ себѣ въ усадьбу. И всякій разъ, какъ раздавался у двери его стукъ и какъ онъ входилъ къ дѣтямъ въ комнату, они бросались къ нему навстрѣчу и не знали, какъ къ нему приласкаться. Отъ радости Арапка лаяла и даже выла.

— Дядя Алеша! кричали ему дѣти.—Здравствуйте дядя, Алеша! Милости просимъ!

Онъ прижималъ ихъ къ сердцу и старался сунуть имъ что-нибудь въ карманъ: лакомства, игрушки или что-нибудь такое, что представляло для нихъ цѣнность впереди.

А когда наступилъ май, то всѣ они, цѣлой семьей, переѣхали къ нему въ усадьбу на дачу. Когда

укладывались въ дорогу, то Арапка суетилась больше всѣхъ, вертѣлась, визжала, такъ что ей то и дѣло наступали на хвостъ. На дачѣ всѣ сошлись еще болѣе и

стали жить, какъ родные; дѣти съ утра и до вечера бѣгали съ Арапкой по парку, были довольны судьбой и лучшаго не желали ничего.

М. Б.

ВЕСНА ИДЕТЪ!

Ужъ въ шесть часовъ утра свѣ-
таеть,
Настанетъ вечеръ—и свѣтло,
Ручьи бѣгутъ, снѣгъ быстро таетъ,
Весна идетъ, несетъ тепло!

Верба цвѣтетъ.. На старомъ
вязѣ
Скворцы веселые шумятъ
И поболтаться въ жидкой грязи
Свинья ведетъ ужъ поросятъ.

Грачи ужъ каркаютъ на ели,
Горланить радостно пѣтухъ
И втихомолку, на свирѣли,
Ужъ сталъ наигрывать пастухъ.

Ирисъ.

О Д Н А.

Повѣсть.

Своей мамы я не помню. Она умерла, когда я была еще двухлѣтнимъ ребенкомъ. Мой папа обожалъ меня и я его горячо любила. Онъ былъ единственнымъ человекомъ, который входилъ во всѣ мои нужды и интересы, понималъ меня съ перваго же слова и болѣлъ за меня душою.

Мы жили въ имѣннн, недалеко отъ Тифлиса, на Кавказѣ, гдѣ мой

отецъ участвовалъ въ какомъ-то горномъ предпріятіи, въ которое онъ вложилъ значительную часть своего состоянія. Цѣлые дни онъ проводилъ на работахъ, а я беззаботно бѣгала по дорожкамъ нашего прелестнаго сада, въ которомъ цвѣли магноліи, и зрѣли на воздухѣ мандарины. Кругомъ синѣли горы, изъ-за которыхъ виднѣлась другая синѣяная цѣпь горъ,

было почти всегда тепло, всегда ясно, и я не понимала, что такое теплое пальто или шуба, и лѣто и зиму бѣгала въ лѣтнихъ костюмахъ. Я не нуждалась ни въ чемъ, но отсутствіе матери и дѣвочек—подругъ выработали во мнѣ мальчишескія манеры и неустрашимость. Я играла съ мальчиками, дѣтьми мѣстныхъ грузинъ, влѣзала съ ними на деревья и на неприступныя скалы и пѣла съ ними вмѣстѣ ихъ кавказскія пѣсни. Мнѣ и въ голову не приходило, что все это должно было скоро прекратиться и что должна была начаться для меня новая жизнь.

Однажды вечеромъ, когда было какъ-то особенно прекрасно въ природѣ и когда въ воздухѣ летали, какъ золотой дождь, свѣтящіяся насѣкомыя и кричали цикады, папа вернулся домой и подзвалъ меня къ себѣ.

— Тебѣ уже десять лѣтъ, Нина, сказалъ онъ. — Пора уже учиться. Завтра я уѣзжаю въ Петербургъ и повезу тебя съ собою. Я отдамъ тамъ тебя въ какой-нибудь хорошій пансіонъ, въ которомъ тебя воспитывали-бы, какъ родную, и научили-бы тебя разнымъ наукамъ.

Вхвать въ Петербургъ! Я обрадовалась. Папа часто рассказывалъ мнѣ, какъ хорошо въ Петербургѣ, всѣ газеты и журналы мы получали изъ Петербурга — онъ мнѣ казался волшебнымъ краемъ и всю ночь я не могла уснуть,

мечтая о поѣздкѣ и о томъ, какъ буду учиться и имѣть подругъ.

— Намъ нужно поспѣшить, продолжалъ папа, — чтобъ застать тамъ моего пріятеля Аркадія Петровича. Онъ затѣваетъ одно очень важное дѣло и приглашаетъ меня принять въ немъ участіе. Я везу ему много денегъ. Когда ты вырастешь большая, то у тебя будетъ цѣлое состояніе.

На слѣдующее утро мы уже сидѣли въ вагонѣ, а затѣмъ въ Тифлисѣ пересѣли въ экипажъ и черезъ Военно-Грузинскую дорогу поѣхали далѣе въ Россію. На четвертыя сутки мы были уже въ Петербургѣ.

Онъ разочаровалъ меня съ перваго же взгляда. Шелъ дождь, было холодно, и сѣрое небо висѣло низко надъ городомъ. Я привыкла къ горамъ, къ роскошной растительности, къ теплу и вѣчно голубому небу, а здѣсь, какъ нарочно, въ гостинницѣ было холодно, и окна нашего номера выходили прямо въ чью-то кирпичную стѣну.

Оставивъ меня одну, папа уѣхалъ къ Аркадію Петровичу и долго не возвращался. Вернулся онъ только къ вечеру и объявилъ мнѣ, что нашелъ наконецъ для меня пансіонъ, въ которомъ ко мнѣ будутъ относиться, какъ къ родной. Кто-то рекомендовалъ ему его и онъ радъ, что лично убѣдился, какія приличныя и добрыя сестры Лейфертъ, которымъ при-

надлежалъ этотъ пансіонъ. Онѣ будутъ относиться ко мнѣ, какъ къ родной дочери, и увѣрили его, что я буду чувствовать себя въ ихъ пансіонѣ, какъ дома.

— Я радъ, что ты не будешь скучать, сказалъ онъ мнѣ.— Тамъ у тебя будутъ подружки, и я увѣренъ, что тебѣ будетъ тамъ веселѣе, чѣмъ одной на Кавказѣ.

На слѣдующій день папа взялъ меня съ собою и объѣхалъ со мною всѣ лучшіе магазины Петербурга. Онъ былъ неопытенъ и накупилъ для меня весь тотъ ненужный хламъ, который мы привезли съ собою въ пансіонъ. Шелкъ, бархатъ, тонкое бѣлье съ дорогими кружевами—все это онъ закупалъ для меня. Стоило только модисткѣ похвалить свой товаръ,— и онъ тотчасъ же приобрѣталъ его для своей дочери. Мы приѣхали въ пансіонъ въ каретѣ, перегруженной всякими дорогими покупками. Я держала въ рукахъ нарядную куклу, чуть не съ себя ростомъ. Я назвала ее Таней.

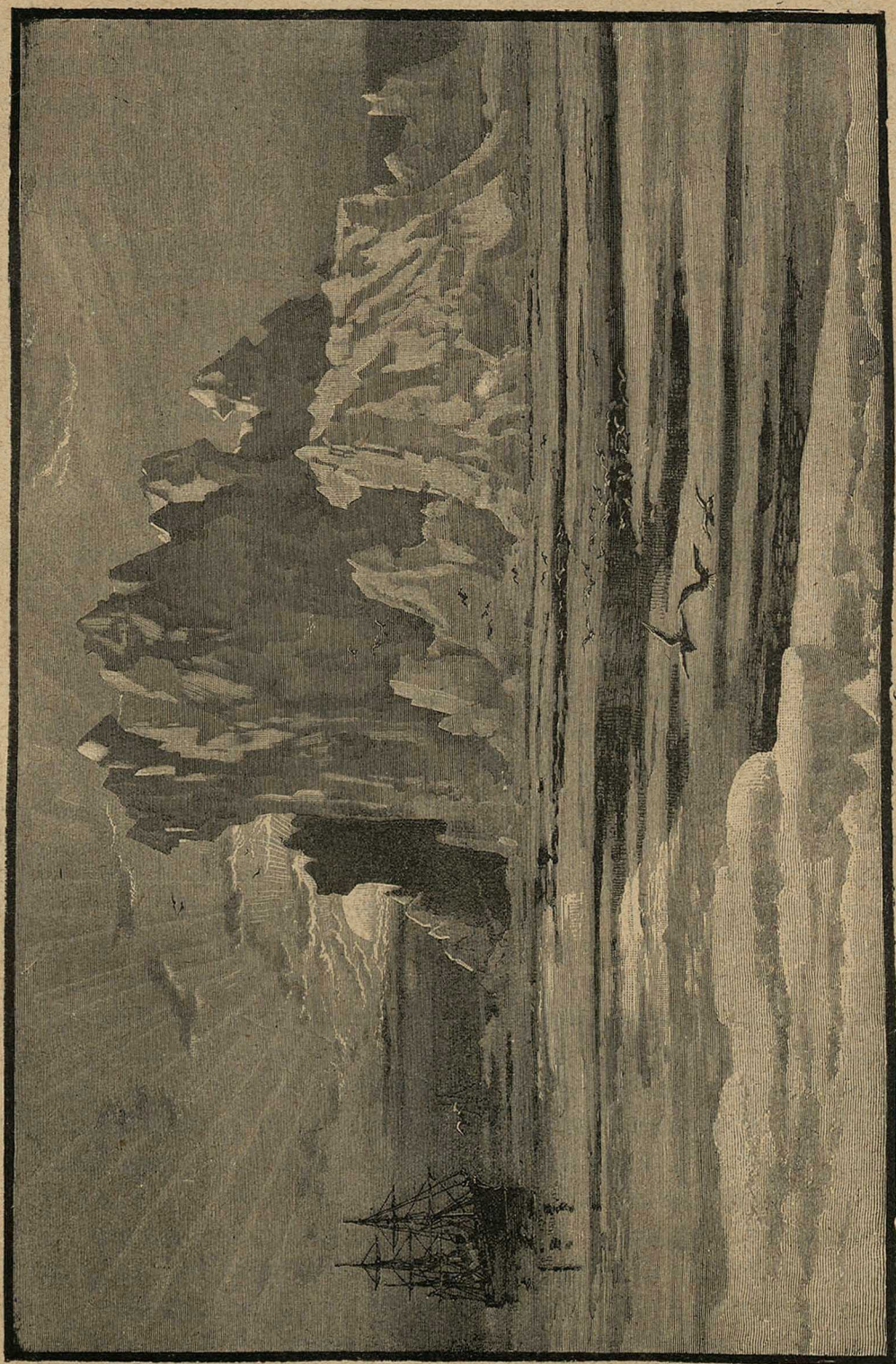
Отваливъ значительную сумму денегъ начальницѣ, папа уѣхалъ. Я осталась въ полномъ отчаяніи. Все кругомъ для меня было однообразно и тоскливо. Нѣсколько дней я не прикасалась ни къ завтраку, ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ куклѣ и только, сидя у окна, въ уголку, все плакала и плакала, пока наконецъ не заболѣла. Все въ пансіонѣ казалось

мнѣ постылымъ. Даже воробьи, которые суетились въ мокрыхъ отъ унылаго дождя деревьяхъ, чирикали для меня какъ-то однообразно и не такъ, какъ у меня дома, на моемъ миломъ, поэтическомъ Кавказѣ. Съ момента поступленія я не влюбилась и самое г-жу Лейфертъ, и ея сестру Эмилию Ивановну и не обращала ни малѣйшаго вниманія на ихъ строгія замѣчанія. Г-жа Лейфертъ была высокаго роста съ большими, холодными, рыбьими глазами и холодными руками, которыя тоже казались рыбьими. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ меня отдали въ этотъ пансіонъ, зачѣмъ оторвали отъ родного гнѣзда и завезли такъ далеко на сѣверъ!

Весь первый годъ пребыванія въ пансіонѣ я была всеобщей любимицей. Моя мать была грузинкой, и я вся была въ нее: у меня были курчавые черные волосы и смуглый цвѣтъ лица. Этимъ я выгодно выдѣлялась изъ всей толпы своихъ сверстницъ, которыя почти всѣ были румяныя и съ свѣтлыми волосами. Когда мы парами выходили на прогулку, я шла впереди всѣхъ, за руку съ самой г-жей Лейфертъ, одѣтая въ свое лучшее платье. Когда къ которойнибудь изъ ученицъ приѣзжали родители, то меня нарочно вызывали въ пріемную, чтобы прихватить мною, и я слышала не разъ, какъ г-жа Лейфертъ говорила:

B. H. COY.

Въ вѣчныхъ льдахъ.

— У насъ учатся дѣвочки даже очень знатныхъ родителей. Отецъ этой дѣвочки—грузинскій князь и въ будущемъ она является наследницей громаднаго состоянія.

Отецъ мой вовсе былъ не князь, но о томъ, что онъ былъ очень богатъ, я слышала и раньше отъ отца. Знала я также и то, что, благодаря мнѣ, у г-жи Лейфертъ стали прибавляться ученицы съ каждымъ днемъ. Но меня это нисколько не веселило, я скучала по отцѣ и по Кавказѣ и съ каждымъ письмомъ отца ожидала вѣсти, что наконецъ-то онъ возьметъ меня отсюда, и мы снова заживемъ прежнею, спокойною жизнью.

Въ концѣ второго года моего пребыванія въ пансіонѣ, когда мнѣ едва только исполнилось одиннадцать лѣтъ, ко мнѣ пришла моя одноклассница Надя Наумова и сказала:

— Иди, тебя начальница зоветъ! Она получила о тебѣ письмо!

Глаза г-жи Лейфертъ смотрѣли необыкновенно холодно, совсѣмъ по-рыбьи, когда я вошла къ ней въ комнату.

— Твой отецъ умеръ! имѣла она жестокость сказать мнѣ прямо. — Онъ поручилъ свои деньги какому-то своему приятелю Аркадію Петровичу, которому вполнѣ довѣрялъ. Этотъ пріятель обокралъ его и никто теперь не знаетъ, куда ушло все громадное состояніе твоего отца. Это такъ по-

вліяло на твоего папу, что онъ заболѣлъ и умеръ, оставивъ тебя круглою сиротою на рукахъ чужихъ людей.

Я вздрогнула, закрыла руками лицо и выбѣжала изъ комнаты. Ничто не могло замѣнить мнѣ потери отца. вмѣстѣ съ нимъ скончалась для меня и послѣдняя надежда вырваться изъ этой ненавистой неволи и снова увидѣть свой ненаглядный, прекрасный Кавказъ. Я горько плакала, рыдала, роптала на Бога, просила у него для себя смерти, а за стѣнной ливнемъ лилъ упрямый осенній дождь и мнѣ казалось, что ему никогда не будетъ конца. Я не помню, какъ я пережила это мое первое тяжелое горе. Я цѣлую недѣлю не сходила со своей постели и за все это время никто не пришелъ меня утѣшить и сказать мнѣ хоть одно ласковое, ободряющее слово. Я замѣтила, что ко мнѣ какъ-то сразу всѣ перемѣнились. На восьмой день ко мнѣ опять пришла все та же Надя Наумова и опять сказала ту-же самую фразу:

— Иди, тебя начальница зоветъ!

Мнѣ никто не говорилъ про трауръ, но я сама надѣла на себя черное платье, сшила для куклы траурный костюмъ, завернула ее въ крепъ и въ такомъ видѣ явилась передъ ясныя очи начальницы. Я уже выросла, платье на мнѣ было слишкомъ узко и коротко, я похудѣла за эту недѣлю, и съ

куклой подъ мышкой, вѣроятно производила очень жалкое впечатлѣніе. Увидѣвъ меня, начальница почему-то отвернулась и въ первую минуту не нашлась ничего сказать.

— Оставь куклу! наконецъ строго приказала она.

— Зачѣмъ? отвѣтила я въ удивленіи.— Это память папы... Съ тѣхъ поръ какъ онъ умеръ, это все, что у меня послѣ него осталось.

Я никогда не отличалась въ пансіонѣ послушаніемъ, но вѣроятно отвѣтила это такимъ рѣшительнымъ тономъ, что г-жа Лейфертъ больше не настаивала.

— Пора бросить заниматься куклами! строго продолжала она.— Ты уже большая! Теперь за тебя мнѣ не платить никто и ты хоть чѣмъ-нибудь должна быть полезной въ моемъ домѣ!

Я въ удивленіи посмотрѣла на начальницу. То, что за меня теперь ей никто не платилъ, еще ни разу не приходило мнѣ въ голову.

— Теперь вѣдь твое положеніе должно измѣниться у меня, продолжала г-жа Лейфертъ.— Я послала за тобой, чтобы выяснить тебѣ то, чѣмъ ты теперь стала. Твой отецъ умеръ, и ни денегъ, ни дома, ни друзей, ни кого-нибудь, кто могъ-бы заняться твоимъ воспитаніемъ, у тебя тоже нѣтъ. Я даже не знаю, къ кому о тебѣ написать. Къ кому обратиться, чтобы тебя отъ меня взяли?

Я почувствовала, какъ у меня задрожали губы, крѣпко стиснула зубы, чтобы не заплакать, и продолжала въ упоръ смотрѣть на начальницу.

— Чего ты смотришь на меня? воскликнула г-жа Лейфертъ.— Или ты такъ глупа, что не понимаешь моихъ словъ? Я повторяю тебѣ, что ты совсѣмъ одна на свѣтѣ и что у тебя нѣтъ никого, кто позаботился-бы о тебѣ. Что ты будешь дѣлать, если я откажусь держать тебя у себя въ пансіонѣ?

Сердце у меня билось, въ вискахъ стучало, и я не могла произнести ни одного слова.

— Припомни хоть кого-нибудь изъ родныхъ, кто-бы могъ тебя отъ меня взять! продолжала начальница.— Быть можетъ, у тебя есть какой-нибудь дядя или тетя, которымъ я могла-бы о тебѣ написать? Ну, ты подумай! Припомни! А то мнѣ придется отправить тебя въ пріютъ бездомныхъ дѣтей.

Я испугалась еще больше. Мнѣ вдругъ страстно, безумно захотѣлось къ себѣ на Кавказъ, гдѣ для меня были родными горы и высокое, голубое небо и стройные, темные кипарисы. Я вспомнила, что у меня тамъ осталась старушка няня Заира, которая жила въ Тифлисѣ у знакомыхъ папы, и отвѣтила:—

— У меня тамъ осталась няня... Напишите ей... Быть можетъ, она возьметъ меня къ себѣ...

Начальница записала ея адресъ и повернулась ко мнѣ спиною.

— Можешь идти! сказала она.

Я вышла, крѣпко прижимая куклу съ своему сильно-бывшемуся сердцу. Я собиралась уже пойти въ дортуаръ, когда у двери меня остановила сестра начальницы Эмилиа Ивановна и приказала мнѣ подняться этажемъ выше, гдѣ у насъ была кухня.

— Тамъ приготовлено для тебя другое помѣщеніе, сказала она.— Теперь ты будешь помогать хозяйству...

Она поднялась вмѣстѣ со мною и отворила передо мной какую-то дверь. Это оказалась небольшая комната рядомъ съ комнатою кухарки. У стѣны стояла моя кровать и по угламъ валялась разная изломанная мебель, выброшенная сюда изъ нижнихъ помѣщеній. Подъ маленькимъ окномъ, изъ котораго виднѣлись только клочекъ сѣраго неба и крыши сосѣднихъ домовъ, стояла табуретка. Я подошла къ ней и сѣла. Я была настолько взволнована и такъ все показалось мнѣ страннымъ, что ни одна слезинка не выкатилась у меня изъ глазъ. Положивъ куклу на колѣни и склонивъ на нее голову, я долго, молча и безъ движенія, просидѣла подъ окномъ.

— Боже мой!.. Боже мой!.. только иногда шептала я.— Унеси меня отсюда! Возврати меня на Кавказъ!

Съ этого дня жизнь рѣзко для меня измѣнилась. Теперь я для всѣхъ была чужая. Я была на побѣгушкахъ у начальницы, у Эмилиа Ивановны и у кухарки. Мнѣ только приказывали, на меня кричали, но никто со мною не разговаривалъ. Отъ няни изъ Тифлиса все еще не приходило отвѣта, и я по цѣлымъ днямъ была занята стиркой и уборкой комнатъ или-же бѣгала въ мелочную лавочку за солью, мукой и масломъ, необходимыми для кухни. У меня и раньше среди ученицъ не было близкихъ подругъ, а теперь онѣ стали смотрѣть на меня, какъ уже на прислугу. Съ своей стороны, я мало разговаривала съ ними, вся ушла въ своемъ горѣ въ себя, молча исполняла все, что мнѣ приказывали, но думала, думала безъ конца, скрывая отъ всѣхъ свои страданья. О томъ, какъ я была несчастна, знала одна только моя кукла Таня. Она спала вмѣстѣ со мною на одной кровати и, часто управившись отъ массы дѣла и добравшись наконецъ до постели, я ложилась, прижимала ее къ себѣ и начинала высказывать ей свои завѣтныя мысли.

— Ну, говори-же, говори! упрашивала я ее.— Отвѣть мнѣ хоть одно слово! Вѣдь я одна и мнѣ не съ кѣмъ поговорить!

Но кукла смотрѣла на меня своими неподвижными глазами и отъ этого мое одиночество казалось

мнѣ еще болѣе тяжкимъ. Иногда, послѣ тяжелаго, утомительнаго дня, прошедшаго въ бѣготнѣ туда и сюда по разнымъ порученіямъ по дождю, холоду и вѣтру, когда я возвращалась утомленная и продрогшая, чтобы снова бѣжать куда-нибудь въ отдаленную часть города, и когда вмѣсто участія видѣла только холодные сердитые глаза начальницы, грубости горничной и насмѣшки ученицъ, то я бросалась къ своей куклѣ, прижимала ее къ своей груди и начинала плакать. И мнѣ казалось, что вмѣстѣ со мною плакала и она,—и мнѣ становилось отъ этого легче.

— Я больше не могу выносить этого, жаловалась я ей. — Понимаешь,—не могу! Отъ такой жизни я могу умереть. Мнѣ холодно. Я устала, у меня промокли ноги и я хочу кушать. Я на ногахъ весь день и еще ничего не ѣла. Да ты слышишь меня? Ты слышишь, что я тебѣ говорю?

Но кукла по прежнему продолжала смотрѣть на меня стеклянными глазами и тогда я еще больше начинала понимать, что была одна.

Однажды ко мнѣ въ чуланъ прибѣжала Надя Наумова. Оглядываясь по сторонамъ и видимо боясь, какъ-бы ее не застали на мѣстѣ преступленія у меня въ гостяхъ, она ни слова ни говоря, подошла ко мнѣ, бросилась ко мнѣ

на шею и стала плакать. Книжка, съ которой она прибѣжала ко мнѣ, выпала у нея изъ руки на полъ.

— Что съ тобой, Надя? удивилась я.—О чемъ ты плачешь?

— Мнѣ жаль тебя, отвѣтила она.—Понимаешь, я видѣть не могу, какъ онѣ стали съ тобой обращаться! А вѣдь ты—природная княжна!

Меня тронули ея слезы. Я поцѣловала ее, отерла ей щеки, обняла ее за плечи и усадила рядомъ съ собой на кровать.

— Успокойся, Надя, не плачь, стала я ее утѣшать. Къ тому-же я вовсе и не княжна.

Но она такъ разрыдалась, что мнѣ-же самой пришлось ее утѣшать. Это еще больше надорвало мнѣ сердце.

— Я такъ несчастна! продолжала она плакать.—Такъ несчастна!

— Что-же случилось? спросила я ее. О чемъ ты такъ горько плачешь?

— Да вотъ папа прислалъ мнѣ еще двѣ книги! отвѣтила она.— Онъ думаетъ, что я въ состояніи буду всѣ ихъ прочесть. У меня уже и такъ накопилось восемь книгъ, и я ни одной еще не прочла.

— А развѣ ты не любишь читать?

— Я ненавижу чтеніе! А мой отецъ при каждой встрѣчѣ заставляетъ меня рассказать, о чемъ я прочитала. Я сижу при немъ, какъ дура, и молчу...

Я обожала чтеніе. Что, если-бы были книги и у меня! Быть можетъ, я тогда менѣе чувствовала-бы свое одиночество, чѣмъ теперь. И я взяла Надю за руку и поцѣловала ее въ щеку.

— Надечка, милая! сказала я.— Дай мнѣ эти твои книги! Я буду ихъ прочитывать, а потомъ буду тебѣ ихъ пересказывать точь въ точь. Я умѣю рассказывать такъ, что меня понимаютъ даже самыя маленькія дѣти!

Надя обрадовалась. Глаза ея заблестали.

— Неужели? воскликнула она въ восторгѣ.—И ты будешь мнѣ пересказывать ихъ содержаніе? Вотъ душечка! Въ такомъ случаѣ возьми всѣ мои противныя книги себѣ!

Съ тѣхъ поръ я всегда имѣла у себя книги для чтенія. Сидя у себя въ каморкѣ, позабытая всѣми, я алчно читала ихъ и мнѣ казалось, что время летѣло быстрѣе и что я не была уже такой безнадежно-одинокой, какою была на самомъ дѣлѣ.

Каждый вечеръ ко мнѣ тайкомъ отъ всѣхъ приходила Надя, и я рассказывала ей то, о чемъ прочитала наканунѣ. Я умѣла хорошо рассказывать. То, о чемъ я читала, казалось мнѣ всегда происходившимъ точно на самомъ дѣлѣ, я видѣла героевъ и героинь живыми, воображала себя такими-же какъ они, страдала вмѣстѣ съ ними, радовалась ихъ радостями

и горевала ихъ горемъ. И когда я принималась за свой рассказъ, то Надя широко раскрывала глаза и ротъ и отъ изумленія не могла произнести ни слова. Вѣроятно, видъ у меня въ такія минуты былъ довольно странный. Въ грязной, когда-то дорогой плюшевой юбочкѣ, едва доходившей мнѣ теперь до колѣнъ, въ рваной рубашкѣ съ дорогими брюссельскими кружевами, въ длинныхъ шелковыхъ, но сплошь заштопанныхъ простыми нитками чулкахъ,—я походила на принцессу-замарашку и казалась Надѣ сказочной принцессой.

— Какая ты умная! говорила она въ восхищеніи.—Какъ ты хорошо умѣешь рассказывать!

Однажды Надя принесла мнѣ какую-то повѣсть изъ рыцарскихъ временъ. Я такъ увлеклась ею, что долго не могла заснуть. Всю ночь мнѣ грезились рыцари, герцоги и графы и вся исторія среднихъ вѣковъ вставала передо мной, какъ на ладони. На слѣдующій же вечеръ я рассказала эту повѣсть Надѣ. Она пришла въ восторгъ. Но повѣсть была длинная, и я рассказывала съ такимъ увлеченіемъ, что мы обѣ и не замѣтили, какъ часы пробили десять и какъ далеко внизу, въ дортуарѣ, раздался звонокъ, приглашавшій ученицъ ко сну.

Какъ вдругъ ко мнѣ въ каморку вошла сама начальница.

— Какъ? Ты здѣсь? крикнула она на Надю.—Всѣ уже спать, одна твоя постель пустая, мы ищемъ тебя по всему пансіону, а ты, оказывается, здѣсь? Убейся отсюда прочь! Ты будешь наказана.

— Не гоните ее, вступилась я за Надю.— Это я во всемъ виновата одна. Она не виновата ни въ чемъ, я рассказывала ей про рыцарскія времена, и мы не замѣтили, какъ пролетѣло время.

— Ты не смѣешь вводить у меня новые порядки, крикнула на меня г-жа Лейфертъ,—и заманивать сюда къ себѣ ученицъ!

Надя шмыгнула въ дверь и побѣжала внизъ. Я осталась съ начальницей одна.

— Дура! Дрянъ! крикнула она и вдругъ ударила меня по щекѣ.

Щека у меня вспыхнула отъ удара, голова закружилась отъ волненія и обиды, но я сдержалась.

— Сейчасъ-же проси у меня прощенія!

Но я бросилась къ себѣ на кровать, упала лицомъ на подушку и стала плакать. Начальница постояла немного, а потомъ повернулась и грузно стала спускаться съ лѣстницы. Ступени скрипѣли подъ ея ногами.

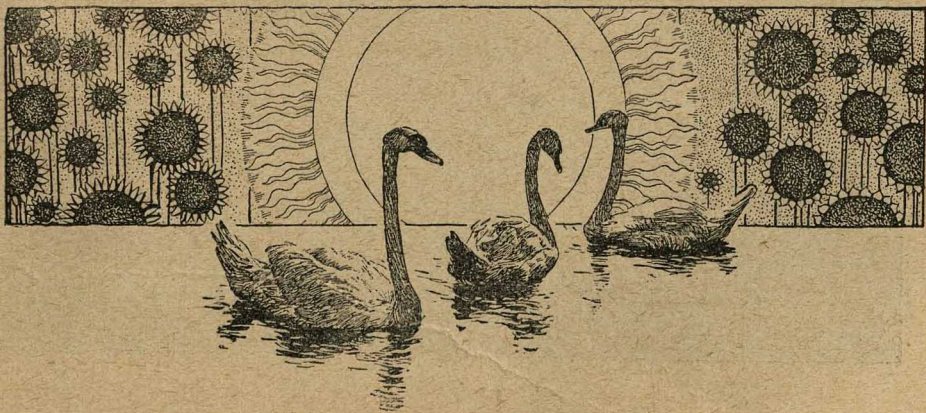
— Милая ты моя!.. Голубушка ты моя!.. вдругъ услышала я около себя чей-то жалостный голосъ.—Сирота ты моя горемычная! И зачѣмъ только привезли тебя, несчастную, въ эти чужіе края!

Я подняла голову. Передо мною стояла наша кухарка Мавра и жалостно причитала. Я бросилась къ ней на шею и стала плакать сильнѣе. Выплакавъ свою обиду, я снова легла въ постель, но еще долго не могла заснуть.

— Спи съ Богомъ, причитала Мавра.—Закрой свои глазочки и засни!

Viola.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пегий соболь или у страха глаза велики. Притомление къ заутраку.

Нечиста совість или у страху глаза велики. *Порыв вітра.*

ВЪ ФЕВРАЛЬСКУЮ ВЬЮГУ.

Догорали въ печкѣ дрова. Угли вспыхивали голубоватымъ огнемъ и отъ нихъ распространялась пріятная теплота. За стѣнами дѣтской выла вьюга.

Костя и Маруся присмирѣли.

— Какъ она расходилась! сказалъ мальчикъ. — Въ окно такъ и стучить...

И, точно отъ холода, онъ перевернулъ худенькими плечами.

— Да, завываетъ сегодня! отвѣтила няня. Любитъ она ночью-то повоевать. Да и пусть ее!

— А ты, нянюшка, въ полѣ бывала когда въ такую непогоду? — спросила Маруся.

— О, милая, вѣкъ мой дологъ, всего навидаться успѣла. Вотъ теперь какъ этакъ-то завоетъ, застучить, мнѣ и не спится по ночамъ-то, все лежу, да вспоминаю про старое.

— А ты-бы рассказала намъ объ этомъ. Право, Расскажи, спать еще рано, — просили дѣти.

Няня поправила платокъ на головѣ и начала:

— Жила я у господъ въ усадьбѣ, тоже нянчилась съ дѣвочкой. А у господъ еще мальчикъ былъ лѣтъ семи, Гришенькой звали. Святки въ томъ году провели мы невесело, — барыня захворала, да такъ сильно, что и елку для дѣтей дѣлать не стали. А гостила у насъ всѣ праздники мамаша барыни; ну, она, чтобы утѣшить ребятишекъ, сбѣжала имъ сдѣлать елку на Крещенье.

— Потерпи, — говоритъ, — Гришенька, я тебѣ елку устрою, на заглядѣнье!

Потомъ она уѣхала. Какъ вдругъ получаемъ мы передъ Крещеньемъ отъ нея письмо, — зоветъ на елку.

Собрались мы веселехонько, — поѣхали. Ѣхать нужно было на лошадахъ двадцать верстъ. Ну, ужъ и елка-же была у бабушки! Ужъ чего-чего на ней не было! Ребятишки обезумѣли отъ радости, да и я съ ними въ плясъ пустилась. А надарила имъ что бабушка! — И сластей и игрушекъ разныхъ, и орѣховъ золотыхъ, да яблоковъ,

а напоследокъ дала Гришенькѣ ангелочка, что на самой верхушкѣ елки красовался, ну и красивъ онъ былъ, батюшка. Какъ только прикоснешься къ нему, такъ онъ весь и заблеститъ, замашетъ своими крылышками. Сильно обрадовался Гришенька ангелочку, даже сласти, до которыхъ былъ охотникъ, позабылъ; то покачаетъ его на рукѣ, то сложитъ въ коробочку на вату. Поглядитъ, немного погодя, опять его вынетъ и опять на него радуется. И такъ весь вечеръ. Переночевали мы у бабушки. Пообѣдали на другой день, хотѣли еще ночь переночевать, а тутъ по другому вышло. Часа въ четыре вдругъ входитъ въ столовую нашъ кучеръ и подаетъ письмо. Оказалось, что нашей барынь худо: зоветъ насъ поскорѣе домой. Бабушка заволновалась. — Куда, — говоритъ, — на ночь глядя, ѣхать по такой-то дорогѣ? Да еще съ малыми ребятами! Вишь, какъ мететь!

Думали, думали и рѣшили ѣхать; понадѣялись на то, что недалеко. Собрались, поѣхали. Сначала, въ строеньяхъ-то, ничего было, а потомъ, какъ выѣхали въ поле, такъ свѣта Божьяго не стало видно. Вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и мететь! Дня совсѣмъ мало осталось, чуть сѣренько кругомъ, да еще отъ снѣгу потемнѣло.

Вѣхали мы въ лѣсъ. Въ лѣсу-то будто потише стало и лошади

веселѣй побѣжали. Проѣхали лѣсомъ верстъ пять. — А потомъ, какъ выѣхали изъ лѣсу, такъ ничего-то, дѣтушки мои, кругомъ не стало видно. Поглядишь, поглядишь, а дальше шагу не видать ничего. Кружить, свиститъ, реветъ кругомъ, что твой адъ! Ровно и нѣтъ предъ тобой поля широкаго, а все туманъ, снѣгъ, да вѣтеръ колючій. Лошади еле-еле побрели, по колѣна въ сугробахъ тонуть, не видать дороги совсѣмъ. А я сижу въ уголкѣ повозки и крещусь втихомолку. — „Пронеси, говорю, Господи!“ Нинушка спитъ, на грудь ко мнѣ приклонилась, а Гришенька сидитъ, глядитъ большими глазами и молчитъ. Выглянешь изъ кибитки и еще больше жуть беретъ. — Слышно, что ѣдемъ все тише, да тише, полозья совсѣмъ угружаютъ въ снѣгу. Тутъ скоро лошади уставать стали. Ну, Господи, пронеси, думаю, бѣду неминучую! Половину-то дороги проѣхали, а что будетъ впереди? Слышу вдругъ — совсѣмъ стоимъ. И кучеръ съ козелъ соскочилъ, ищетъ дорогу.

— Что? спрашиваю. — Потерялъ дорогу?

— Извѣстно, — отвѣчаетъ кучеръ, — собьешься тутъ въ такую темь; все сугробы да сугробы. — Свѣта Божьяго не видать...

— Вези, — кричу, — хоть куда ни будь, авось выѣдемъ, а то тутъ еще совсѣмъ снѣгомъ засыплеть!

Вотъ тутъ-то и началось! Проѣдемъ шага два—три, и встанемъ. Лошади отдышатся, пофыркаютъ, опять потянутъ. А кучеръ изъ силъ совсѣмъ выбился: то соскочить—прямо въ снѣгъ, то пойдетъ рядомъ съ лошадьми, то повозку самъ потянетъ, и сядетъ-то снова на козлы и опять спрыгнетъ—все дорогу ищетъ, бродитъ, бѣжитъ по снѣгу по самый поясъ. А мы съ Гришенькой сидимъ, да молимся, чтобы Богъ хоть Ничоку-то пожалѣлъ.

Испугался сильно мальчикъ. Шутка-ли—большому и то боязно ночью въ полѣ въ такую метель, а тутъ—дитя...

Долго такъ мы маялись. Ужъ и поплакали-то мы потихоньку и помолились. А кучеръ все бьется, да бьется съ лошадьми.

— Ну что?—то и дѣло спрашиваю я его.—Ничего не видать впереди?

— Дымкомъ ровно потянуло, вдругъ отвѣтилъ онъ,—да и свѣтъ будто раза два мелькнулъ направо.

Ну, отлегло немного отъ сердца, закрестилась я снова. Поѣхали дальше.

— А и вправду жильё!—крикнулъ опять кучеръ.

Отдернули фартукъ. Видимъ—домъ стоитъ одинокій и огонекъ въ немъ горитъ.

— Да это училище Ключевское! обрадовался вдругъ кучеръ.—Оно

у насъ между трехъ деревень стоитъ, чтобы всѣмъ ребятамъ было одинаково близко въ школу бѣгать!.. Да, да! Это оно!

Я тоже обрадовалась.

— Попросись-ка, говорю, Андрей, у учительницы здѣсь переночевать.

Сбѣгаль кучеръ.—„Идите,—говорить,—можно“!

Ну, и обрадовались-же мы огоньку, да теплу, точно въ рай попали. Учительница молоденькая насъ встрѣтила, ласковая такая. Чаемъ насъ угостила, а мы и одуматься сразу отъ страху не можемъ.

Сидимъ за столомъ, и вдругъ слышимъ—говоръ какой-то тихій въ сосѣдней комнатѣ, точно все шепчетъ кто-то.

— Кто это?—спрашиваемъ мы.

— А это ученики,—отвѣчаетъ намъ учительница.—На дворѣ метель, да вьюга, такъ я ихъ домой не пустила. Боюсь, какъ-бы не замерзли... Пускай лучше тутъ переночуютъ!..

А Гришенька-то мой какъ вскочить вдругъ съ мѣста!—Побѣгу,—говорить,—къ нимъ, а потомъ ужъ чаю напьюсь. И ушелъ. Видимъ, долгонько его нѣтъ; потомъ вбѣгаетъ, такой радостный, глазенки такъ и блестятъ.

— Гдѣ мои конфеты? спрашиваетъ.— Я хочу имъ подарить конфеты!

Взялъ Гришенька свой узелокъ

съ гостинцами, пошелъ снова къ ребятишкамъ. И мнѣ любопытно стало, я тоже за нимъ потянулась. Вошла. Комнатка небольшая, душная, а ребятишекъ въ ней человѣкъ двѣнадцать, всѣ у стола сидятъ, какъ пчелки шуршуютъ. А Гришенька узелокъ развязалъ, и давай сласти выкладывать. Что оховъ, да аховъ было въ комнатѣ! Вѣдь деревенскіе-то ребятишки отродясь такого не видавали, такъ рты и поразинули отъ удивленья! Но всѣхъ смѣшнѣй былъ мальчикъ Егорушка. Сидитъ онъ противъ Гришеньки, волоски бѣлые разметались по лбу, на щекахъ ямочки, а глазенки голубые такъ и свѣтятся; самъ малъ-малышемъ; глядитъ на Гришеньку, улыбается.

Гришенька вынетъ конфетку, покажетъ ребятишкамъ и отдастъ комунибудь. Одѣлилъ такъ всѣхъ орѣхами, пряниками, да конфетами. А послѣ всего вынулъ коробку, открылъ ее и досталъ оттуда ангелочка. Какъ заблестить ангелочекъ своими крылышками, такъ ребятишки и замерли, о гостинцахъ даже забыли, глядятъ на ангелочка, дыханье притаили.

А Гришенька поднесъ ангелочка къ Егорушкѣ и отдалъ ему.—Бери, говорить, и радуйся на него! Ну, бери-же, чего боишься, дурачѣкъ?

А тотъ и взять-то отъ радости не умѣетъ, только хлопаетъ глазенками. И вдругъ какъ бросится Гришенькѣ на шею, да какъ обниметъ! И сталъ вдругъ плакать.

А Гришенька сложилъ ангелочка въ коробочку и отдалъ Егорушкѣ.

На второй день всѣ ребятишки ранехонько поднялись насъ провожать. Гришенька долго прощался съ ними. А Егорушка опять сталъ плакать.—Пріѣзжай,—говорить,—ко мнѣ, въ гости, въ нашу деревню, тамъ я твоего ангелочка къ лампадкѣ повѣшу, ты и поглядишь!

Такъ мы и уѣхали.

Да, давно это было. Прошло потомъ лѣтъ двадцать и изъ нашего Гришеньки земскій докторъ потомъ вышелъ. Только какъ-то пріѣзжаетъ онъ къ больному, входитъ въ избу, а на лампадкѣ-то передъ образомъ все еще его ангелочекъ болтается. Тутъ онъ догадался, что это былъ самъ Егорушка, и давай его скорѣй лечить. И стали они потомъ друзьями, да такими близкими, что и родные братья такіе рѣдко на землѣ встрѣчаются.

Няня смолкла. Маруся и Костя молчали. Совсѣмъ погасъ огонь въ печкѣ, а за стѣной въ темнотѣ все еще сердилась и выла вьюга.

Холуницкая.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы названія: 1) Ягоды, 2) Насѣкомаго, 3) Фрукта съ косточкой, 4) Металла, 5) Принадлежности сбури.

Найти въ нихъ по порядку: 1) Мѣсто, гдѣ каждый изъ насъ родился, 2) Рыбное кушанье, 3) Дерево, растущее у воды, 4) Часть скелета животного и человѣка, и 5) Насѣкомое.

Какія слова задуманы?

II.

Названія какихъ фруктовъ заключаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1) Бурею сорвало вывѣску и ударило ею извозчика, а на насъ чуть не свалился карнизъ.

2) Клоунъ въ циркѣ показывалъ очень искусную игру шарами.

3) Оттого и неурожай, что земля никакого удобренія не получаетъ.

4) Волки унесли вашихъ овецъ въ оврагъ и съѣли.

5) При посадкѣ вовсе не надо рѣзать на части клубни картофеля, а нужно садить ихъ цѣликомъ.

6) Крестьяне поймали нашу сбѣжавшую лошадь и привели ее къ намъ.

III.

Почему люди обыкновенно по-

купаютъ мясо и зелень, чтобы приготовить себѣ обѣдъ?

IV.

Я громко кричу, хотя и не имѣю горла, въ особенности, когда меня бьютъ по щекамъ. У меня есть уши, но я ими не слышу. У меня есть языкъ, но я имъ не говорю. У меня нѣтъ сердца, но я принимаю живое участіе въ радости и горѣ человѣка.

Кто я?

V.

Въ цѣломъ задуманномъ словѣ поютъ его первую часть и виситъ на стѣнѣ его вторая часть. Во второй части этого слова есть много цѣлыхъ задуманныхъ словъ и въ каждомъ изъ нихъ поютъ опять-таки его первую часть и виситъ его вторая часть.

Какое слово задумано?

VI.

Если-бы меня не было въ отравѣ, то меня съ удовольствіемъ съѣлъ-бы скотъ, и безъ меня окошки не пропускали-бы свѣта, а ловили-бы мышей.

Что я такое?

VII.

Зачѣмъ во многихъ большихъ магазинахъ имѣются особыя кассиры?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 6, помѣщенныхъ въ № 6 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Сестра дяди—была ихъ мать. II. Въ каждомъ предметѣ—двѣ половины. Если

одна половина=6 фунтамъ, то и другая половина тоже равна 6 фунтамъ. Слѣдовательно въ цѣломъ кирпичѣ—12 фунтовъ. III. Дочери. IV. Вакса, слонъ, татаринъ, тетеревъ, картина,

кресло, сливки, стеаринъ, керосинъ; задуманное слово—Екатеринославъ. V. Ребро, гумно, жара=рогоя. VI. Старина, театръ. Задуманное слово—стеаринъ. VII. Отъ гнѣзда. VIII. Порельсамъ.

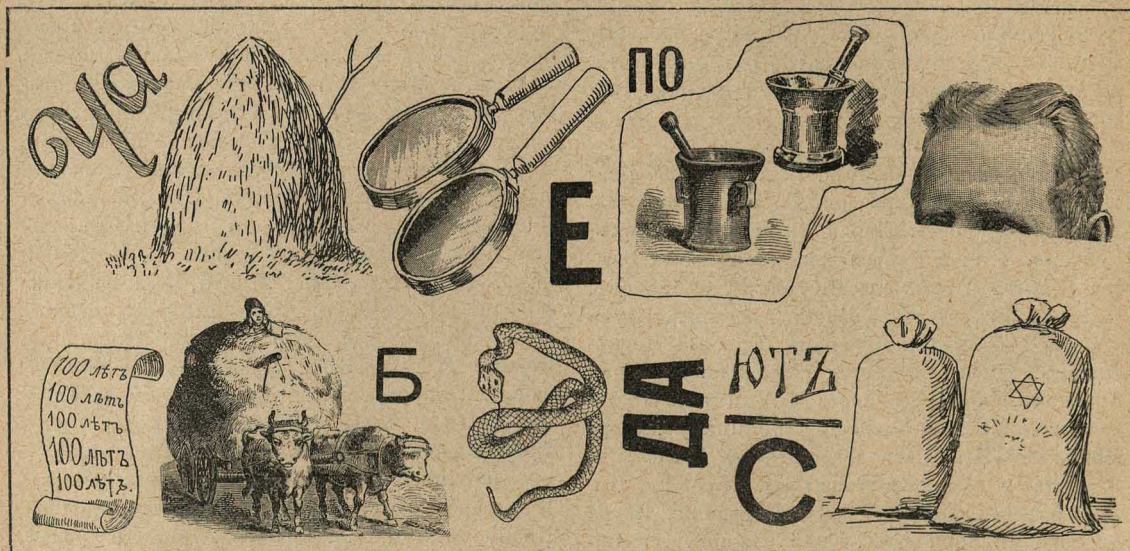
Ребусъ № 6. Сороки + си + д + ели + насось + нѣ + и + ели + к + усъ + очки + т — вѣ — о + рогъ + а = Сороки сидѣли на соснѣ и ели кусочки творага.

Впрныя рѣшенія прислали: Гоша и Кеша Благодатовы, Василій Черкасовъ, Галочка Тулубева, Тася Бирюковичъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Лея и Вѣруся Андреевы, Женя Врубелъ, Митя Шалимовъ, Шурикъ Хлѣбниковъ, Маруся Митрофанова, Лидія Аксенова, Шура и Катя Зубовы, Ося Пумпергъ, Евгений Доильнидынь, Нюра Высоцкая, Коля Довгай, Женя Кравцовъ, Марина Данилова, Агриппина Мостепаненко, Миля и Боря Коробейниковы, Нюра Молчанова, Боря Разводовскій, Ната Палеологъ, Вѣрочка и Андрюша Копыловы, Сережа и Ника Агаповы, Шура и Валя Бачинскіе, Шура Засенко, В. Карповичъ, Юлій и Лица Маріюшкины, Нина Руткевичъ, Петя Ребусъ, Толя Агеносовъ, Леша Виноградовъ, Галя Туровецъ, Нина и Лидія Афанасьевы, Варя Избашъ, Оля Панченко, Коля Баскаковъ, Нина Зарембская, Нина и Толя Обрицкіе, Коля Дашковъ, Германъ Грейфе, Вѣра Сафонова, Леша Кубецкій, Маруся Ишрейтъ, Маня Весманъ, Леонъ Чемена, Сережа Ценелевъ, Гриша Гинзбургъ, Женичка Вашилова, Володя и Милочка Будневичъ, Коля Шевченко, Шубарша и Юхей, Оля Пясецкая, Викторъ Маховъ, Боря Мотылевъ, Толя Смольянинова, Сережа Гриненко, Лева Эпштейнъ, Оксана Рахинская, Лева Бауеръ, Свѣтикъ и Женюра Вамберскіе, Люся Прутковская, Валя Юринъ, Боря Розановъ, Надя Гукова, Шура Бауманъ, Маня и Клава Павличенко, Андрюша Конфеткинъ, Коля Флоровъ, Женя и Ваня Өомины, Шура Аксенова, Варя и Миша Пѣвцовы, Леночка Бехтѣва, Рая Волкановичъ, Сережа Тоцкій, Сережа и Галя Маркотенко, Галя и Боря Гветневы, Вася и Клавдія Шершневы, Клавдія Цвѣткова, Алеша Пляхинскій, Володя Продайко, Коля Полтавцевъ, Николай Вайнштейнъ, Сережа Мукановъ, Клавдія Садовская, М. Барышпольская, Юля, Лида и Маня Шнейдеръ, Люда и Сережа Могилевскіе, Боря Соловьевъ, Викторъ Вейсбергъ, Яковъ Аврашковъ, Владиміръ Дахновъ, Сема

Туршу. Сема и Гриша Гинзбургъ, Муся Тейтельбаумъ Ивацко-Медвѣжонокъ, Лея Смирновъ изъ Плѣсса, ученики 2 класса Казанской 2-й гимназіи—Шура Абрамушкинъ, Миша Бандивъ, Миша Батгуровъ, Сережа Вѣковъ, Ваня Переверзевъ, Коля Сокольскій и Миша Тюлемановъ, Галя и Сережа Маркотенко. Виталій Вѣльскій, Женя Петровъ изъ Старокопстантинова, Ядя Музольфъ, Мира Оранъ, Ксенія Мельникова, Шура и Витя Вележовы, Андрей Янъ, Боря Соловьевъ изъ Бугурлиновки Аполлонъ Вейсфлокъ, Кири Голубовичъ, Вѣра, Романъ и Людмила Рыжковы, Володя и Вѣрочка Трипольскіе, Ира Зеленина, М. Морингъ, Н. П. Печинкинъ, Дина, Лея, Еня Дудатій, Варя Янченко, Катюша Головачева, Жоржикъ Гладкевичъ, Миля Веселовская, Кора и Валя Андроновы, Сережа Ксенократовъ, Лея Березовскій, Оксана Рахинская, Вова, Сережа и Миля Утробины, Коля, Нюся и Лютикъ Додулы, Геня и Воба Запольскіе-Довнаръ, Анна Танатаръ, Катя Паршина изъ Пскова, Свѣтлячекъ Корвь-Красинскій, Левъ Кедровъ изъ Екатеринодара, Подписчица 57/344 изъ Томска, Эрн Дегерингъ, Вѣра Карабчевская, Зоя Гилетаева изъ Уфы, Катя и Нора Каухчевы, Эдгардъ и Эрика Гейнвальдтъ, Митя Матвѣевъ, Арусикъ и Тамара Айвазянцъ, Аня и Эрихъ Радазевскіе, Шура Яковлевъ изъ Хвалынска, Егорюшка Лукашевичъ изъ Гродны, Володя Смирновъ СПБ., Леночка и Жоржикъ Соловьевы, Владя Оссовскій, Рудольфъ и Августъ Кунимяги, Лея Мужикъ и Таня Пупеикъ, Надя и Лида Манасевичъ, Коля и Витя Соллертинскіе и Сережа Богдановъ изъ Астрахани, Лена Смолина изъ Сѣдцеца, Викторъ Маховъ, А. Фрейманъ изъ Вахмута, Павелъ Бушковъ, Гербертъ Привертъ, Варя и Миша Пѣвцовы, Гриша Равенна, Роза Гаутбартъ и Аронъ Абрамскій, Коля Сутулинскій, Самсонъ Онищенко, Лева Короткова, Шура Можевитиновъ и Сережа Полиловъ, Надя Васильева, Ада Майкова, Лея Березовскій, Катя Алмазова, Вова Лобачевскій, Митя Рязановъ, Василій Григорьевъ, Валя и Маргарита Шавердовы, Ганя Красный, Люма Прокофьева, Оля Славковичъ, Боря Суторихинъ, Викторъ Вейсбергъ, Вѣрочка, Виля и Лидочка Исковы, Ваня и Миша Рождественскіе, Маня и Клава Павличенко, Саша Аваевъ и Лара Петровъ, Коля Довгай, Эличка Араkelова, Мура Гапѣва-Мышій хвостикъ, Аля Филотей, Женя Шалковичъ, Вѣруся Митѣкина.

Ребусъ № 8.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„ДРУЖОКЪ и ТОМКА“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 к., съ перес. 55 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“. Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 65 к.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 26.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
рекомендуетъ слѣдующія книги
для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и ѲОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 26.